

Образ Наполеона в поэзии А. С. Пушкина

Наполеон... Людей с подобной судьбой в мировой истории не так уж много, а потому неувядающий интерес к его незаурядной личности вполне закономерен. Причём этот интерес никогда не был однороден: иные хулили и проклинали «гения поэтов и военных»), другие возносили ему хвалу. Сегодня Наполеон Бонапарт воспринимается прежде всего как сын своего времени. Его имя ассоциируется с безмерным честолюбием и жадной завоёваний. Но оно же напоминает о смелости и отваге, о таланте, умевшем не просто рисковать, а дерзать. А ещё его судьба – повод задуматься о том, что вопрос о роли великих исторических личностей далеко не прост и не имеет единого решения.

А. С. Пушкин неоднократно на протяжении своего творчества обращался к теме Наполеона, настоятельно пытаясь понять силу и славу этого замечательного человека. Его отношение к личности и деяниям французского императора не было однозначным, как не была однозначной личность самого Наполеона. В соответствии со своими историческими воззрениями Пушкин стремился дать Бонапарту объективную оценку, не зависящую от симпатий и антипатий. Это стремление помогло ему увидеть зародившееся в современном ему обществе новое движение умов и сердец – наполеоманию. Причём Пушкин смог показать и реальную опасность подобного увлечения.

Интерес к Наполеону возник у Пушкина ещё на заре туманной юности. Это не был интерес к почившему в бозе герою древности – это был интерес к современнику, к реальному человеку, чья судьба оказалась переплетена с судьбой России. Начало XIX века, без преувеличения, прошло под знаком Наполеона – общественное мнение непрестанно муссировало его имя. Равнодушных не было: о нём спорили, его ненавидели, им восхищались.

В документах и разговорах имя Бонапарта стало часто упоминаться после его итальянской кампании и особенно в период египетской экспедиции 1798 года. С. Н. Глинка – будущий активный борец против «всемирного узурпатора» – в дни юности вместе со сверстниками по кадетскому корпусу восхищался: **«Верх наших желаний был тогда, чтобы в числе простых рядовых находиться под его знамёнами...»**

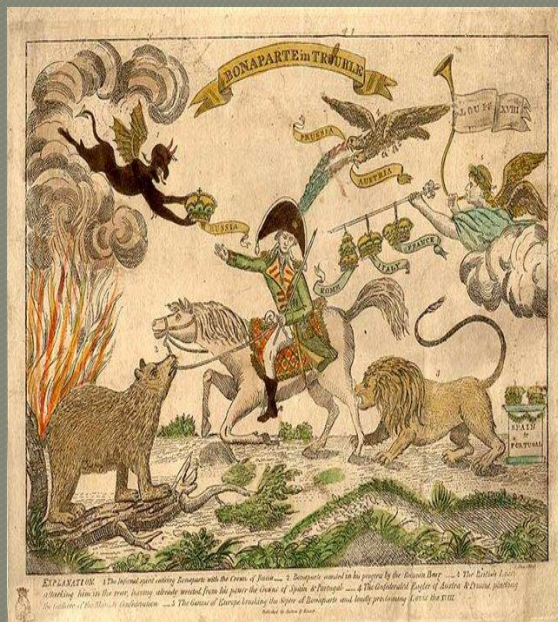
А например, В. Ф. Малиновский – первый директор Лицея – был иного мнения: **«Мы должны гнушаться теми, кои велики без пользы, и ужасаться тех, кои велики со вредом».**

После расстрела по приказу Наполеона в 1804 году герцога Энгийенского последовал разрыв русско-французских отношений и резкое охлаждение к нему дворянства. Теперь любое упоминание о Наполеоне сопровождалось такими эпитетами, как «кровавый тиран», «корсиканское чудовище» и т.д.

Поражение русской армии в 1807 году под Фридландом вынудило Александра I на заключение мира. После Тильзита власти потребовали от печати уважения к особе французского императора, бывшего «разбойника» живо переключили на «великого мужа». Но было очевидно, что непомерное честолюбие Наполеона обязательно толкнёт его на войну с Россией, что и произошло летом 1812 года.

А много лет спустя в стихотворении «Была пора...» (1836) вспоминал о том же и с той же эмоциональностью:

Вы помните: текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями прощались
И в сень наук с досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шёл мимо нас...

В 1812 году Александр Пушкин был всего лишь учеником младшего курса Лицея. Но Отечественная война не миновала «мирных садов Лицея»: царскосельские дороги были дорогами войны, по ним летом и весной 1812 года почти ежедневно шли войска, направляясь на Гатчину и Лугу, Порхов и Опочку... В 1815 году Пушкин восклицал в стихотворении «Александрю»:

Сыны Бородина, о кульмские герои!
Я видел, как на брань летели ваши строи;
Душой восторженной за братьями
спешил.

В пылких лицейских стихах берёт своё начало тема Наполеона. Первым художественным оформлением этой темы традиционно считается стихотворение 1814 года «Воспоминания в Царском Селе». Отечественная война закончилась блистательной победой русского оружия. Было очевидно, что только патриотизм и самоотверженность русского народа спасли Россию и весь мир от порабощения Наполеоном:

Вострепечи, тиран! уж близок час паденья!
Ты в каждом ратнике узришь богатыря,
Их цель иль победить, иль пасть в пылу сраженья
За Русь, за святость алтаря.

Сильнейшее впечатление на Пушкина произвели сдача Москвы и её сожжение. В «Воспоминаниях в Царском Селе» отразилось увиденное, узнанное, прочувствованное в 1812 году: взятие Москвы Наполеоном т пожар вызвало такую ярость и жажду мщенья у россиян, что военная фортуна вновь обратилась к ним лицом:

Утешься, мать градов России,
Возри на гибель пришлеца.
Отяготела днесь на их надменны выи
Десница мстящая творца.

Поскольку речь в «Воспоминаниях в Царском Селе» идёт о вещах серьёзных, то и говорить о них следует высоким «штилем» - слогом классицистической оды. Отсюда вполне закономерно использование устаревшей, даже во времена Пушкина уже несколько архаичной лексики: «тиран», «надменный галл», «пришлец» с «кровавым мечом» в «неукротимой длани» и т.д. Набор в целом не оригинальный, но вполне уместный, коли Наполеон здесь как злодей из классицистической трагедии XVIII века. Но, как отметил В. Г. Белинский, «чему удивляться, что шестнадцатилетний мальчик так смотрел на Наполеона в то время, как на него так же точно смотрели и престарелые и возмужавшие поэты!»

«Воспоминания в Царском Селе» можно было бы считать начальным в наполеоновской теме, но в том же 1814 году, хронологически чуть раньше, Пушкин начал писать поэму «Бова», где также упоминается Наполеон:

Вы слышали, люди добрые,
О царе, что целых двадцать лет
Не снимал с себя оружия,
Не слезал с коня ретивого,
Всюду пролетал с победою,
Мир крещёный потопил в крови,
Не щадил и некрещёного,
И, в ничтожество низвергнутый
Александром, грозным ангелом,
Жизнь проводит в унижении
И, забытый всеми, кличется
Ныне Эльбы императором:
Вот таков-то был и царь Додон.

1815.

Б о в а

(ОТРЫВОКЪ).

Отношение автора к Наполеону в обоих стихотворениях одинаково неприязненное. Другое дело, что это неприятие решается разными средствами: высоким одическим стилем в одном случае и нарочито приниженном, ироническим – в другом. Грозный французский император выглядит в «Бове» каким-то лубочным и совсем не грозным. Различное контекстное использование образа сказалось в его наполненности: перед нами Наполеон как враг России и Наполеон как человек и полководец. В дальнейшем образ так и будет развиваться по этим двум линиям. Причём в теме Отечественной войны Наполеон всегда будет оцениваться отрицательно, тогда как история и судьба человека изначально предполагают многогранность оценок. Так что два стихотворения 1814 года стоят у истоков наполеоновского цикла, знаменуя собой два его не только тематических, но и оценочных плана.

Тема войны 1812 года получает развитие в ряде стихотворений 1815 года. «Наполеон на Эльбе» возникло как отклик на известие, что Наполеон бежал с Эльбы и триумфально высадился в Париже. Костёр мировой войны грозил заполыхать вновь. Неприязненное отношение поэта к Бонапарту сказалось на всём строе стихотворения: односторонне выписанный герой, «злодей» и «губитель», на фоне мрачного пейзажа делеет столь же «мрачны думы». Угрюмость во взоре и свирепость в речах соответствуют мрачным, маниакальным замыслам «хищника»:

**Страшись, о Галлия! Европа! мщенье, мщенье!
Рыдай – твой бич восстал – и всё падёт во прах,
Всё сгинет, и тогда, в всеобщем разрушенье,
Царём воссяду на гробах!**

И месть за московский пожар как причина мощного отпора русских дружин, и гений Александра, «полнощи царя младого», по-прежнему обозначены как основные составляющие русских побед 1812 года.

В стихотворении того же 1815 года «Александр» Пушкин вновь горячо проставляет роль русского царя в разгроме Наполеона и показывает, что переломным моментом войны было взятие Бонапартом Москвы и её пожар:
**Меч огненный блеснул за дымною Москвою!
Звезда губителя потухла в вечной мгле,
И пламенный венец померкнул на челе!**

Возвышенная лексика создаёт образ человека исключительной судьбы, чью исполинскую силу сломила другая, куда более могучая сила – патриотизм русского народа.

В том же плане изображён Наполеон и в стихотворении 1816 года «Принцу Оранскому». Несколько схематичный «злодей» с «мечом окровавленным», несущий смерть всей вселенной, к вящей радости человечества повергнут:

Узрел он в пламени Москву –
И был низвержен ужас мира,
Покрыла падшего главу
Благословенного порфира.

Обращает на себя внимание восхищённое изображение императора Александра I в стихотворениях этих лет. В глазах Пушкина-лицеиста он, безусловно, герой, оплот законной, неузурпированной власти. А главное – вдохновитель славной победы!

Взрослея и выстраивая собственную концепцию истории, Пушкин пересмотрит свои воззрения. Это станет очевидным уже в стихотворении 1821 года «Наполеон», написанном после известия о смерти императора на острове Святой Елены. Новым был не только сочувственный тон, но и взгляд на руководящую роль Александра в победе над императором Франции: Пушкин подчеркнул народный характер войны 1812 года, отметив «длань народной Немезиды».

В стихотворении 1831 года «Клеветникам России» Пушкин развил мысль о том, что с России началось падение Наполеона, что «Европы вольность, честь и мир» окупилась очень дорого – русской кровью:

И ненавидите вы нас...
За что ж? ответствуйте: за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, пред кем дрожали вы?
За то, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир
И нашей кровью оплатили
Европы вольность, честь и мир?

И финальным в теме Наполеона и войны 1812 года можно считать стихотворение «Была пора...» (1836). Оно писалось к 25-летию Лицея, писалось уже зрелым потом и человеком со сложившимся историческим мировоззрением:

Чему, чему свидетели мы были!
Игралища таинственной игры,
Метались смущённые народы;
И высились и падали цари;
И кровь людей то славы, то свободы,
То гордости багрила алтари.

Итак, группа стихотворений, объединённых темой Наполеона в войне 1812 года, довольно многочисленна. Наибольшую разработку эта тема получила в лицейский, юношеский период. Образ Наполеона здесь, как правило, статичен, рисуется довольно однообразными, односторонними эпитетами. Признавая Наполеона врагом, Пушкин наделяет его некими сверхчеловеческими качествами: свехудачливость, свехпроницательность, концентрация мирового зла и деспотизма. Эти стихи часто несут на себе отпечаток официозности. Но при этом действительно выражают мысли и настроения поэта, совершенно искренне разделявшего мнения своих современников.

В более поздних стихах Пушкин глубже, пронизательнее смотрит на войну 1812 года и роль Наполеона. Здесь даже нередко звучит сочувствие судьбе императора. Хотя, конечно, и в них Наполеон изображён врагом, но этого требует развитие темы.

В послелицейский период, когда поэт постепенно начинает освобождаться от юношеской порывистости в оценках, он вновь обращается к образу Наполеона – в стихотворении «Вольность». Оно довольно сложно с точки зрения идей, владевших Пушкиным в этот период и отразившихся в стихотворении. В нём много спорных мест, например:

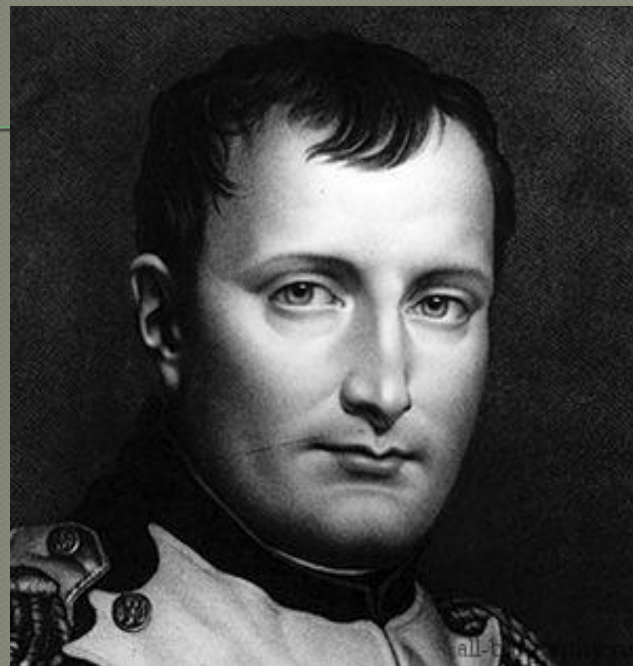
**Самовластительный злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостью вижу.
Читают на твоём челе
Печать проклятия народы,
Ты ужас мира, враг свободы,
Упрёк ты богу на земле.**

Учитывая, что эти строки идут в контексте картин беззаконной казни Людовика и беззаконного убийства Павла, вопрос об адресате строк не кажется пустяковым. Александр? Или Наполеон? В пользу версии Наполеона говорит метафора «ужас мира»: за год до того она была использована в «Принце Оранском» как раз для характеристики Бонапарта. К тому же на списке оды, подаренном Н. И. Тургеневу, против слов «И се – злодейская порфира», предваряющих процитированный отрывок, есть помета: «Наполеонова порфира... Замечание для В. Л. П. моего дяди (родного)»

После 1817 года Пушкин не обращался к теме Наполеона вплоть до 1821 года – года смерти Бонапарта. За эти четыре года многое изменилось в отношении к бывшему императору Франции. Вдруг оказалось, что общественный строй, насаждаемый этим тираном и узурпатором, был исторически более передовым, чем отживший порядок, поддерживаемый «законными и миролюбивыми» монархами. Некоторые стали рассматривать эпоху Наполеона как период прогресса, а его отлучение от власти и смерть – как рубеж, которым можно датировать наступление общеевропейской реакции. Всё это способствовало созданию ореола исключительности вокруг Наполеона.

К тому же существовали и причины психологические. С годами бледнели воспоминания об ужасах войны, о тяжести деспотического режима, зато на первый план выходили представления о военной славе, о могуществе и процветании государства. По мере того как забывались негативные черты личности Наполеона, всё ярче проявлялся образ талантливого полководца. Обаяние исключительной личности постепенно затмевало воспоминания о жестоком самодержце – «герой» заслонял «тирана». Способствовал этому и мученический ореол, который приобрёл Наполеон за годы заточения и изгнания. Смерть же его, положившая конец земным распрям и претензиям, окончательно переключила внимание на трагические и героические аспекты его личности и судьбы.

Немаловажно, что поклонниками Наполеона были известные европейские писатели и поэты, имевшие огромное влияние на общественное сознание: Гюго, Ламартин, Делавинь, А. де Виньи, Беранже, Гейне. Культ Наполеона поддерживал и Байрон – самый популярный поэт молодого поколения. Наполеоновская легенда быстро набирала силу.

В пушкинской лирике первое поэтическое осмысление смерти Наполеона получает в стихотворении «Наполеон» (1821). Из чудовища, каким он был при жизни, мёртвый император становится «великим человеком»:

Чудесный жребий совершился:

Угас великий человек...

Образ Наполеона в этом стихотворении двойственный, построенный на противоречиях: однозначно отрицательная оценка его исторической роли и деяний сочетается с романтически-возвышенной характеристикой, заявленной уже в первых строках. Двойственность оценок закономерно приводит к смешению стилей: романтической поэтики

и одических элементов. Причём противоречивость образа воплощена как раз романтическими формулами, вполне допускающими союз героического и преступного: «блестательный позор», «в величии постыдным», «зло воинственных чудес» и т.д.

Как человек, увлечённый на тот момент революционными идеями, Пушкин не мог рукоплескать диктатору и самодержцу. Как патриот и очевидец войны 1812 года, он не мог рассуждать бесстрастно о полководце-завоевателе. Но как поэт, он, безусловно, восхищён Наполеоном, яркость и необычностью его судьбы, блеском дарований,

Созданный Пушкиным образ

Наполеона как «преступника-героя» не оригинален. Подобный тип героя, растиражированный Байроном и именуемый в его честь «байроническим», был довольно популярен в романтической литературе той эпохи. Более того, Наполеон, как лицо реальное, часто становился весомым аргументом сторонников романтических концепций в спорах о реальности, жизненности подобных образов. Пушкину тип «преступника-героя» тоже интересен, но в его системе ценностей «гений» и «злодейство», как известно, «несовместны», хотя в тот период чёткой концепции на этот счёт у него пока ещё нет. Позже она воплотится в нескольких образах, в том числе в Германне – герое «Пиковой дамы» с его характерным «профилем Наполеона».

Образ Наполеона продолжает волновать Пушкина и в последующие годы, он нередко возникает в письмах, заметках, художественных произведениях. Большею частью эти рассуждения отрывочны, авторская мысль не всегда ясна. К 1824 году относится

неоконченное стихотворение «Недвижный страж дремал...», навеянное, вероятно, размышлением над идеей фатально predetermined миссии Наполеона.

Стремительное возвышение от капрала до императора, диктовавшего свою волю всей Европе, затем падение с этой головокружительной высоты до положения бесправного узника – всё это заставляло современников усматривать здесь проявление сил куда более могущественных, чем талант и удачливость одного, пусть и незаурядного человека. В том, что Наполеон – орудие Провидения, сходились и его сторонники, и его противники! Только одни усматривали в его деяниях злую волю этого Провидения, а другие – добрую. В контексте этих дебатов и родилось это стихотворение.

Движущая мысль стихотворения – сопоставление Наполеона и Александра. Александр изображён в момент торжества его реакции. И тут его смущает видение, напоминающее о прежнем его угнетении – тень Наполеона является «владыке севера»:

**То был сей чудный муж, посланник провиденья,
Свершитель роковой безвестного веленья,
Сей всадник, перед кем склонилися цари,
Мятежной вольности наследник и убийца.**

Сей хладный кровопийца,

Сей царь, исчезнувший, как сон, как тень зари.

Видимо, явление призрака должно было напомнить Александру о непрочности торжества тех, кто попирает мир и презирает свободу.

Образ окрашен в романтические и даже мистические тона, а строка «Сей хладный кровопийца» словно возвращает нас к беллетристике периода войны 1812 года. И это выдаёт немалые внутренние противоречия, которые препятствуют созданию целостного образа.

произвольно. Наполеон – уже не просто герой истории, а герой культуры, воплощение определённого идеала, которым увлекалось поколение «романтических эгоистов». Это было уже другое поколение, для которого не так отчётливы были воспоминания о войне, которое изначально восприняло лишь позитивные стороны образа Наполеона. Для людей этого поколения Наполеон был безусловным кумиром, символом эпохи. Пушкин не мог не обратить на это внимание, не мог не задуматься над причинами столь ошеломляющей популярности дважды сосланного и уже даже мёртвого Наполеона. В 7 главе романа «Евгений Онегин» описывается кабинет героя:

**И лорда Байрона портрет,
И столбик с куклой чугунной
Под шляпой с пасмурным челом,
С руками, сжатыми крестом.**

Размышления о характере Провидения, направлявшего судьбу Наполеона, отразились и в наброске «Зачем ты послан был и кто тебя послал?» (1824). В двадцати строчках сделана попытка определить исторический смысл деятельности Наполеона. Пушкин возвращается к тем временам, когда Бонапарт захватил власть и уничтожил республику: **Явился муж судеб, рабы затихли вновь, Мечи да цепи застучали...**

«Мечи да цепи» – образ ёмкий: «муж судеб» попрал вольность, но принёс Франции великую славу. Как оценить это на весах истории? Вопрос «Чего, добра или зла, ты верный был свершитель?» остаётся без ответа. А может, ответа по определению не существует? Или вопрос риторический: вечная философская проблема зла, влекущего за собой добро...

1824 год оказался щедр на «наполеоновские» стихи: в том же году написана элегия «К морю», где в один ряд поставлены Наполеон и Байрон. Пушкин сравнивает не полководца и поэта, а масштаб личности и роли в общественном сознании эпохи: они оба гении и властители дум. Сравнение абстрактно, но не

Новой вехой в эволюции пушкинского восприятия Наполеона стало стихотворение «Герой» (1830). Герои - Поэт и его Друг – в диалоге размышляют над сложнейшими вопросами: Что есть истина? Что есть слава? Отвечая на эти вопросы, Поэт обращается к судьбе Бонапарта, рисуя образ романтический, роковой и легко узнаваемый:

**Всё он, всё он – пришлец сей бранный,
Пред кем смирились цари,
Сей ратник, вольностью венчанный,
Исчезнувший, как тень зари.**

Друг, продолжая разговор о славе, перечисляет наиболее эффектные, знаменитые эпизоды из жизни Наполеона, но Поэт переводит разговор в другой план. Его воодушевляют не поразительная удачливость Наполеона, не его военный талант, не трагедия его позора и заточения, а единственный случай из его жизни – когда в чумном госпитале он пожимает в знак ободрения руку умирающего. Именно эта человечность и становится самым веским доводом возвышенности и исключительности личности Наполеона. Истинный героизм – в благородном порыве, он неотделим от человечности. И это уже звучит отчётливый голос самого Пушкина!

В завершение обзора лирики, связанной с Наполеоном, стоит упомянуть ещё о двух стихотворениях зрелого периода, которые как бы возвращают нас тематически к истокам цикла, к теме освободительной войны: «Рефутация (т. е. возражение – прим. авт.) г-на Беранжера» (1827) и «Бонапарт и черногорцы» (1834). Первое было написано против бонапартистской песни, которую Пушкин ошибочно приписал Беранже (в действительности её сочинил Дебро). Находясь под определённым обаянием личности Наполеона, Пушкин тем не менее выступал против его безудержного восхваления, если при этом «забывается», затушёвывалось грандиозное его поражение в войне с Россией:

**Ты помнишь ли, как всю пригнал Европу
На нас одних ваш Бонапарт-буян?**

Во втором, переводном стихотворении из цикла «Песни западных славян» звучит столь близкий Пушкину мотив национального освобождения от наполеоновского ига.

Как видим, образ Наполеона крайне интересовал Пушкина, но постоянная некоторая недосказанность в посвящённых ему произведениях позволяет заключить, что поэт не ощущает Наполеона «своим» героем. Ему чуждо мироощущение бонапартистского типа с его гордыней, властолюбием, индивидуализмом. При этом спокойной отчуждённости мы тоже не наблюдаем – отношение поэта к Наполеону как раз очень эмоционально, будь то юношеская запальчивая враждебность или романтическая восторженность. Настойчивый интерес к Наполеону объясним: это яркая фигура современной Пушкину истории. А бонапартизм как тип мироощущения представляется поэту главным ключом к пониманию современного ему поколения, а может быть, и природы человека вообще...